

Социальное время в структуре повседневности позднего СССР, перестройки и 1990-х гг.

Юлия Николаевна Ковалевская,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований¹ Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: tupa67@mail.ru

В статье сравниваются характеристики социального времени позднего СССР (1970—1980-е гг.), перестройки (которая рассматривается как переломный момент между стабильным и транзитивным периодами) и 1990-х гг. Теоретической базой послужили теория повседневности и сравнительно-исторический подход, источниками — сочинения и интервью из текущего архива ОСПИ. Сравнительный анализ показал, что перестройка типологически родственна другим эпохам больших надежд и последующих великих разочарований, которые регулярно повторяются в российской истории на переломе — между периодами относительно медленной и ускоренной социальной динамики. В советский период общеисторическая шкала начиналась в первобытном прошлом и уходила в коммунистическое будущее, а в качестве начала координат использовался 1917 г. Всё, что было до революции, маркировалось как профанное и подвергалось критике с различных позиций (политической, моральной, экономической). Советский период (особенно революция) относился к сакральному времени и воспринимался догматически. Перестройка изменила такой тип восприятия истории: нулевая точка как бы сдвинулась с 1917 в 1985 г., и весь советский период стал доступен для «гласности», т.е. критики. Социальное время в брежневскую эпоху имело признаки реификации, когда умножение политических и повседневных ритуалов является и способом, и симптомом торможения социальных процессов. В перестройку скорость социальных изменений постепенно нарастает, но вместе с советским проектом будущего исчезает представление о желательном направлении движения. Стандартные трудовые ритмы советского периода в период перестройки подверглись такой же ревизии, как и советская историческая шкала. Намечился тренд на отказ от унификации рабочего времени и деинституционализацию занятости. В перестройку началась постепенная эрозия всех элементов советской жизненной траектории (от рождения до пенсии и похорон), которая затем достигла пика в кризисные 1990-е гг.

Ключевые слова: социальное время, брежневский период, перестройка, 1990-е гг., Дальний Восток России, реификация, транзитивный период.

¹ Отдел социально-политических исследований (далее — ОСПИ), Sociopolitical Research Department (SPRD).

The Social Time in the Structure of Everyday Life during the Late USSR, Perestroika and the 1990s

Yuliya Kovalevskaya, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: tupa67@mail.ru.

The paper compares the characteristics of the social time during the late USSR (1970—1980s), perestroika (which is considered as a turning point between stable and transitional periods) and the 1990s. The theoretical framework is based on the theory of everyday life and the comparative historical approach. The sources include essays and interviews from the current SPRD archive. The comparative analysis revealed that perestroika is typologically related to other eras of great hopes and great disappointments, which regularly repeat in Russian history at a turning point between periods of relatively slow and accelerated social dynamics. During the Soviet period, the general historical scale began in the primitive past and went into the communist future using 1917 as the point of origin. Everything before the revolution was marked as profane and criticized from various perspectives (political, moral, economic). The Soviet period, especially the revolution, belonged to sacred time and was perceived dogmatically. Perestroika changed this type of perception of history: the zero point seemed to have moved from 1917 to 1985, and the entire Soviet period became available for “glasnost”, i.e. criticism. The social time during the Brezhnev era had signs of reification when the multiplication of political and everyday rituals is both a way and a symptom of social stagnation. During perestroika, the speed of social change gradually increases, but along with the Soviet project of the future, the idea of the desired direction disappears. The standard labor rhythms of the Soviet period during perestroika underwent the same revision as the Soviet historical scale. There was a trend towards rejection of the unification of working hours and de-institutionalization of employment. Perestroika started the gradual erosion of all elements of Soviet life trajectory (from birth to retirement and funeral), which then reached its peak during the crisis years of the 1990s.

Keywords: social time, Brezhnev period, perestroika, 1990s, Russian Far East, reification, transitional period.

ВВЕДЕНИЕ

Целью данной статьи является изучение того, как в период перестройки (1985—1991) начала изменяться такая базовая часть повседневности, как социальное время (общая историческая шкала и темпоральность трудовых ритмов и биографических этапов) и обозначились тенденции, достигшие зрелости в 1990-е гг.

Каждая историческая эпоха уникальна, однако их можно классифицировать на основании различных параметров. По признаку скорости социальной динамики или количеству изменений в единицу времени эпохи можно разделить на транзитивные и стабильные. Например, эпоха Первой мировой войны и революции 1917 г., реформы 1990-х гг. относятся к транзитивным периодам, а период правления Л.И. Брежнева — к стабильным. Некоторые исследователи выделяют особый краткий этап перелома, точку смены направления и скорости развития [6, с. 26].

Непродолжительное время перелома между длительным стабильным периодом и новым транзитивным обычно субъективно воспринимается современниками как эпоха больших надежд. Таким было, например, время перед Великими реформами 1861 г., о котором Л.Н. Толстой писал так: «...всё хотели исправить, уничтожить, переменить, и все россияне, как один человек, находились в неописуемом восторге. Состояние, два раза повторившееся для России в XIX столетии: в первый раз, когда в двенадцатом году мы отшлѣпали Наполеона I, и во второй раз, когда в пятьдесят шестом году нас отшлѣпал Наполеон III. Великое, незабвенное время возрождения русского народа! Как тот француз, который говорил, что тот не жил вовсе, кто не жил в Великую Французскую революцию, так и я смею сказать, что, кто не жил в пятьдесят шестом году в России, тот не знает, что такое жизнь» [9, с. 357]. Можно сказать, что перестройка типологически была таким же периодом «неописуемого восторга» и больших надежд для россиян конца XX в.

Причина этого социального оптимизма заключается в том, что в точке перелома природа будущего социального строя неясна, все потенциально возможные пути кажутся равновероятными, следовательно, все социальные группы рассчитывают, что новые условия жизни сложатся в соответствии с их идеалами и в их интересах. В такое время для рационального прогноза ещё нет эмпирических данных, преобладают утопическое мышление и эмоции. Разумеется, в реальности идеальный социальный порядок невозможен, так что за эпохой больших надежд неизбежно следует эпоха великих разочарований. А.С. Пушкин писал о времени разочарования после Великой французской революции с её идеалами свободы, равенства и братства:

*И горд и наг пришёл Разврат,
И перед ним сердца застыли,
За власть Отечество забыли,
За злато продал брата брат [7].*

Думаю, если эти слова отнести к 1990-м гг., под ними подписались бы и многие россияне, разочарованные результатами реформ. Однако это не отменяет того факта, что в сам момент перестройки были и период большого энтузиазма, и острого интереса не только к непосредственно наблюдаемым событиям, но и к историческому прошлому. Хотя переломные эпохи и не способны достичь всех тех идеалов и целей, которые выдвигаются, они накапливают огромный заряд потенциальной энергии и на долгое время становятся источником инноваций для социального развития в политической, экономической и культурной сферах, а также на уровне повседневности.

Изучение социального времени представляет собой один из аспектов анализа повседневности, сосредоточенный на разделяемых всеми людьми исторических системах отсчёта времени, выделении социально значимых событий, групповых и индивидуальных темпоральностей, которые различаются в разных обществах и в разные периоды истории [13, с. 196].

Концепция социального времени разрабатывалась в рамках феноменологического подхода и теории повседневности (А. Шюц [11], П. Бергер, Т. Лукман [2]). Различные аспекты трансформации социального

времени в поздний советский период, перестройку и эпоху рыночных реформ раскрыты в работах А. Юрчака [12], М.В. Безенковой [1], М. Минакова [6], В.Н. Ярской-Смирновой [13], Е.В. Дукова [3], П.М. Козыревой и др. [4]. Однако хронологическая дистанция в 40 лет позволяет изучать эти процессы с позиций сравнительно-исторического подхода, с применением дальневосточного материала. В предлагаемом исследовании эмпирическими источниками являются материалы текущего архива отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН (далее — АОСПИ) — сочинения и интервью обычных жителей региона, в которых отражена повседневность того времени.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ (ОБЩАЯ СИСТЕМА ОТСЧЁТА И КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ)

Специфика темпоральности позднего СССР метко схвачена в известной метафоре А. Юрчака — «это было навсегда, пока не кончилось» [11, с. 1]. В советский период границы исторической шкалы уходили в неопределённое тёмное прошлое (первобытное общество) и столь же неопределённое светлое будущее (коммунизм), но центр этой системы координат был обозначен совершенно точно — 1917 г. Не только в официальном дискурсе, но и в обыденном сознании история России делилась на жизнь до революции и после. Хотя в построение коммунизма в буквальном смысле слова в последние 20 лет существования СССР многие не верили, ментально он был всем известен и понятен как направление развития и обозначение самого дальнего горизонта будущего. Использование советской периодизации в этом смысле напоминало употребление христианской хронологии в секулярную эпоху: может, «Рождество Христово» и превратилось в первый год нашей эры (н.э.), в целом григорианский календарь сохранился в качестве общепризнанной линейной шкалы для периодизации всех исторических процессов. Ярким отражением советского восприятия истории является популярный цикл фантастических произведений братьев Стругацких о «Мире Полудня» («Далёкая радуга», «Трудно быть Богом», «Обитаемый остров» и др.), где любое реальное общество оценивается с точки зрения уже осуществлённого коммунистического идеала как относительно неразвитое и негуманное. При этом советский (или антисоветский) читатель имел удовольствие идентифицировать себя с «прогрессорами» — людьми из будущего, советским вариантом супергероев.

Основные вехи советского календаря в брежневский период носили признаки реификации², т.е. окостенелости всех элементов системы и формализации публичной сферы. А. Юрчак называет этот процесс

² Реификация — буквально — процесс овеществления (от лат. *res* — «вещь»). В социальном конструктивизме П. Бергера и Т. Лукмана реификация является последним этапом развития социального феномена (после периодов инновации, хабиутализации и институционализации). Реификация социальных отношений приводит к тому, что они воспринимаются как данность, слабо поддающаяся влиянию, а значит, заставляют человека — субъекта отношений — становиться пассивным наблюдателем. Социальная система в стадии реификации характеризуется снижением функциональности и эффективности социальных институтов и преобладанием ритуальных актов над чисто прагматическими [2, с. 100].

«перформативным сдвигом», иначе говоря, воспроизводством ритуализованных актов и социальных практик без усвоения их идейного смысла [12, с. 71]. Смысл реификации институтов для правящих элит заключается в замедлении социальной динамики и усилении контроля, а увеличение числа ритуалов выполняет роль «тормозов» на пути любых коллективных и частных действий. Реификация социального времени приводит к тому, что повторяющиеся социальные действия теряют значение социальных фактов и воспринимаются как фон. Для рядовых граждан следование ритуалу — это простая демонстрация лояльности, дающая доступ ко всем социальным благам и карьерному росту. Многие официальные советские праздники и памятные даты отмечались чисто формально, но регулярно, тогда как другие инкорпорировались в повседневную жизнь и наполнились приватным содержанием (например, 23 Февраля и 8 Марта).

В период перестройки сначала отдельные события советского календаря, а потом и сам он в целом начали утрачивать свою априорность и подвергаться сомнению и критике с самых разных позиций. Были попытки вдохнуть новую жизнь в старые советские ритуалы (например, демонстрация 7 ноября 1987 г. сопровождалась театрализованными постановками, а во Владивостоке в ней даже участвовал рок-клуб). Но в основном советские ритуалы стали отменять и «сверху», и «снизу» как помеху «ускорению».

По словам М.В. Безенковой, «важность эпохи перестройки состоит в том, что в сознании человека сформировалось и утвердилось само понятие „перемен“. Как пел Виктор Цой, „мы ждём перемен“, это ожидание действительно было тотальным и подчас неосозанным, но оно было. Другое дело, что понятие „перемен“ никак не конкретизировалось, что и привело к хаотизации жизни и народного сознания» [1, с. 54].

Нулевая точка советской шкалы времени как бы сдвинулась с 1917 на 1985 г. И типичное для советского периода критическое отношение к дореволюционной истории сместилось, таким образом, на советский период. В период перестройки фокус общественного внимания был направлен на «белые пятна» и «чёрные дыры» советского прошлого, причём эмоциональный накал дискуссий на эти темы показывал, что их предметом являются не факты (которые остались в прошлом), а ценности и интересы различных социальных групп и отдельных личностей. В этом процессе был заметен пафос поругания святынь, которые утратили свою сакральность, но не для всех. Многие представители старшего поколения воспринимали ревизию советских идеалов и исторических событий болезненно.

Деидеологизация и десакрализация массовых ритуалов увеличивают скорость социальных процессов и субъективно переживаются как сбрасывание гнёта, освобождение. Однако в перестройку увеличение скорости социального движения совпало с утратой понимания того, куда, собственно, нужно двигаться, утратой советского проекта будущего. Такие моменты в историческом процессе называют точками бифуркации, когда возникает потенциальная возможность движения в любую сторону. М. Минаков выделяет период 1989—1991 гг. как особый исторический этап между советской и постсоветской эпохой — цезуру³. Её он определяет как эле-

³ Цезура (лат. caesura — разрыв, пауза) — завершение или прерывание физического, культурного, исторического или иного длительного процесса [6, с. 185].

мент истории, в котором все понятия и правила прошлого обнуляются, а «новое получает возможность начаться, открывая тем самым возможности и вызовы для человеческого творчества» [6, с. 26]. М.В. Безенкова использует для определения времени в перестройку образ петли, «которая, не принося ничего нового, заставляла... оставаться на одном месте. Эта „петля“ была обусловлена хаосом, воцарившимся в стране, и смелой морально-ценностных ориентиров, которые существовали на протяжении многих десятков лет. [Человек], долгое время находившийся в „не-свободе“, получил её в таком количестве, что попросту не смог с ней справиться» [1, с. 46].

Как отражение чувства утраты понятного вектора развития, а вместе с ним размеренности и предсказуемости течения социального времени, характерны воспоминания жительницы Владивостока, которой в момент начала перестройки было 7 лет: *«И было самое главное — уверенность в завтрашнем дне и счастливые лица родителей... Я проводила много времени с маминими учениками в школе на разных мероприятиях (и сбор металлолома, и помощь престарелым людям, и походы, и „зарницы“, и, конечно, самое любимое — поездки в колхоз, незабываемые дни). И вот наступил тот день, когда мой мир начал меняться, неуловимо и не всегда понятно, почему и что происходит, но что-то менялось. Иногда мама нежно гладила меня по голове и приговаривала: „Скоро наша жизнь изменится, скоро всё будет хорошо“. Оценить значимость маминих слов я ещё не могла, но твёрдо верила, что жизнь станет ещё лучше... Да, вот она, жизнь, та, что стала лучше... что ожидало меня впереди — и название этому — Борьба. А живущим в 21 веке я хочу пожелать: „Живите так, чтобы ваши дети не узнали „перестройки“!“»* [14, соч. 13].

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ (ТРУДОВЫЕ РИТМЫ И БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ)

Основой повседневной жизни является трудовая деятельность и задаваемые ею трудовые ритмы. В Новейшее время процессы массовой индустриализации и урбанизации характеризовались стандартизацией трудовых ритмов во всём мире: 5-дневная рабочая неделя, 8-часовой рабочий день, отпуск раз в год и т.п. Трудовая биография человека также приобрела унифицированный вид с небольшим набором вариантов: детский сад, средняя школа, получение среднего или высшего специального образования, 30—40 лет трудового стажа и выход на пенсию. У мужчин обычно был период службы в армии, а у женщин — отпуск по уходу за детьми, которые не препятствовали дальнейшей трудовой деятельности и карьерному росту.

Трудовые ритмы в СССР отличались очень высокой степенью стандартизации, так как в отличие от капиталистических стран в нём почти не было имеющих нерегламентированное рабочее время слоя бизнесменов и предпринимателей, самозанятых, безработных и неработающих домохозяек. Единообразие трудовых ритмов способствовали полная занятость, 40-часовая рабочая неделя, два выходных, фиксированные дни выдачи зарплаты, оплачиваемый отпуск, единый пенсионный

возраст. В воспоминаниях современников часто повторяется: «Жизнь была спокойная, размеренная и мирная» [14, соч. 6].

Не только работа, но и почти весь транспорт в СССР был государственным, поэтому перемещения в деловых, а также в культурных и бытовых целях, на что в крупных городах человек тратил примерно 15% зарплаты и 4 часа в день, также были важной частью трудовых ритмов. Эта рутинная часть жизни вызвала феномен «транспортной усталости» у горожан, зафиксированный социологами с начала 1970-х гг. [3, с. 43].

Нестандартные ритмы труда в позднем СССР были на крайних полюсах социальной структуры: наверху — у крупных руководителей, научной и культурной элиты, в «романтических профессиях» (у геологов, археологов и т.п.), и внизу — в сельском хозяйстве, где труд носил сезонный характер и рабочий день в поле или на ферме мог начинаться в 4 часа утра и заканчиваться за полночь.

В период перестройки стандартные трудовые ритмы подверглись такой же ревизии, как и все остальные советские практики. Поиск механизмов для «ускорения» мотивировал руководство реального сектора экономики к переводу работников с твёрдой ставки и тарифной сетки на сдельные формы труда, когда лучших работников можно стимулировать за счёт худших, а рабочий день длится больше или меньше 8 часов.

В бюджетном секторе высказывались мнения, что рабочий график можно оптимизировать, чтобы сделать его более удобным для работников или потребителей. Например, в некоторых школах перешли на пятидневку под предлогом того, что у детей должны быть такие же выходные, как у их родителей. Был пересмотрен размер академического часа в вузах, некоторые отказались от 45-минутного академического часа и сделали его равным астрономическому (60 минут), чтобы уменьшить длину учебной пары. Были введены библиотечные дни для студентов и пр.

Не все эти инновации в последующем прижились, однако сохранился общий тренд на снижение степени унификации трудового времени и условий труда, деинституционализацию занятости (рост неофициальной, неполной и временной занятости, особенно у женщин, произвольная длительность рабочего дня, плавающий выходной, неоплачиваемый отпуск, проблематичность получения пенсии). По мнению Ж.Т. Тощенко, с 1990-х гг. в России число людей с занятостью, носящей негарантированный, нестабильный характер, постоянно росло, и к 2017 г. прекариат составил до половины всех трудящихся [10, с. 85]. Субъективно эти процессы воспринимались многими гражданами без восторга: «Перестройка лично у меня забрала уверенность в завтрашнем дне» [14, соч. 10].

П.М. Козырева и др. на основании результатов многолетних исследований НИУ ВШЭ пришли к выводу, что «в России продолжительность оплачиваемого труда заметно снизилась в первые годы реформ и увеличилась дифференциация работников по данному показателю... Сжатие продолжительности рабочего времени в период рыночных реформ стало одним из главных каналов подстройки к негативным экономическим шокам, но привело к снижению цены и ухудшению условий труда» [4, с. 28]. Ритмы труда, отдыха, карьерные перспективы не просто стали более вариативными. Выросло неравенство между людьми, имеющими наиболее благоприятный баланс всех этих темпоральных характеристик, и теми, к кому социальное время обернулось самой тёмной

стороной. И следует сказать, что в этой иерархии наверху находились жители столичного центра и нескольких городов-миллионников, а внизу — жители Дальнего Востока, особенно периферийных территорий.

В 1990-е гг. нестабильность трудового ритма усиливалась волатильностью в правовой сфере, потоком разнонаправленных изменений в административном и налоговом праве. Это негативно отражалось на деятельности предпринимателей: *«Лучше, если на более длительный срок какие-то правила сохраняются. Уже так надоело — сами бланки меняются, формы — зачем? Нам неохота думать об этом. Мы занимаемся своей работой. А они постоянно внедряют что-то: ставки у них постоянно меняются, бланки постоянно меняются, программы. Названия организаций. Постоянно в компьютере приходится обновление делать — вот это нам не нравится! Если бы замерло на 10 лет... И не что-то глобальное — а вот эта ерунда»* [14, инт. А015]. Но страдали и обычные люди в своей повседневной жизни: *«Всюду, во всём и ужесточение, и ожесточение. Время ежедневных и ежечасных недобрых сюрпризов»* [5, с. 169].

Трудовые ритмы являются основой формирования и других жизненных процессов, таких как организация быта, обучения и воспитания детей, уход за больными и престарелыми, отдых, спорт и культурная жизнь в местах проживания людей. Связь производственного и жизненного циклов обеспечивала общее социальное время для всех жителей, особенно в моногородах и промышленных посёлках (пгт). В 1990-х гг. «в результате закрытия градообразующих производств у жителей разрушился навык обращения со временем, умение планировать время. Исчезло планирование распорядка дня, планирование жизненных событий, из-за отсутствия денежных средств отпала необходимость планирования трат» [8, с. 202].

После закрытия градообразующих предприятий на периферии экономическая активность переместилась в районные и областные центры. Повсеместным стал феномен маятниковой миграции и новая темпоральная структура: многие мужчины стали ездить на заработки либо каждый день (кроме выходных), либо работать вахтовым методом на несколько недель или даже месяцев, что нарушило образ жизни и разделение обязанностей в семьях. Возросли роль личного транспорта, степень зависимости от работодателя, который мог дать, а мог и не дать оплачиваемый больничный, отпуск, отгул по семейным обстоятельствам. У работающих исчезла возможность совмещать работу и уход за детьми, престарелыми, домашним скотом и т.д. (как это было принято в советское время, особенно в селе и небольших городах, где работников ненадолго отпускали с работы для дойки коров или встречи детей из школы).

Для многих дальневосточников, работающих в отдалённых и холодных регионах, особое значение имело время отпуска. Отпуск использовался и как время восстановления здоровья в санаториях и на курортах, и как способ поддержания связей с родственниками и знакомыми, проживающими «на материке», и как средство социального самоутверждения в качестве «богатых северян» на фоне граждан с меньшими зарплатами. В 1990-е гг. у состоятельного меньшинства появилась возможность отдыхать за границей, но в то же время большинство лишилось даже возможности выехать за пределы Дальнего Востока. Цены на авиабилеты резко выросли, многие рейсы отменили, в частном секторе работодатели

не предоставляли оплачиваемый отпуск, и возможность отдыха за пределами региона как привычная для дальневосточников часть жизненного цикла стала деградировать. Жительница Камчатки вспоминает: «...У меня была бабушка... Мы к ней постоянно ездили в советские годы, до 1992 г. И потом у нас был очень большой перерыв, мы откладывали деньги на отпуск целенаправленно — копили-копили и в 1998 году поехали — и там случился дефолт, и мы оказались... без денег, без обратного билета до Москвы. Рубли не принимали тогда. Удачно, называется, съездили» [14, инт. A021]. Кроме отпускников, гораздо реже стали летать студенты, которые учились вне родного города. У них исчезла возможность прилетать домой каждые каникулы и дополнительно на некоторые праздники.

Рутинный характер повседневности опирается на повторяемость таких практик, как покупка продуктов питания и промышленных товаров, дней выдачи зарплаты или пенсии, режима работы общественных учреждений и служб (магазинов, детских садов, школ, поликлиник, библиотек, общественного транспорта и т.п.). В перестройку началась постепенная эрозия этой рутинности, что достигло пика в кризисные 1990-е гг. Многие привычные формы жизни исчезли совсем, а другие стали существовать в хаотичном порядке. Особенно это касалось социальных учреждений (школ, больниц, домов культуры), маршрутов и расписания общественного транспорта в отдалённых регионах. Жительница г. Зея (Амурская обл.) вспоминает: «У нас есть аэропорт. Раньше были воздушные линии: Иркутск, Хабаровск, Благовещенск — можно было улететь. Сейчас нет — только северные посёлки. Ну и дороги тоже очень плохие. Очень много северных посёлков, в которых вообще попасть невозможно — добраться даже до районного центра» [14, инт. B012].

Наиболее болезненно воспринимались населением нестабильность в снабжении товарами повседневного спроса и задержки в выплате зарплат и социальных пособий. Почти во всех воспоминаниях о перестройке, которая в сознании людей (сочинениях и интервью) сливалась с 1990-ми гг. в единый процесс, упоминается, что «на многих предприятиях стали задерживать или вовсе не выдавать заработную плату... Перестали выплачивать детское пособие» [14, соч. 7], «я помню, как я стояла в магазине в очереди за хлебом, были карточки, по которым мы ходили в магазин» [14, соч. 9].

Случались и совсем экстремальные нарушения жизненного цикла, например, в случае несоблюдения сроков завоза топлива в северные регионы. Такие случаи неоднократно повторялись в 1990-е гг. на Чукотке, Курилах и Камчатке: «Как писали во всех газетах, в бюджете просто не было денег. Огромные были задолженности перед компаниями, и весь город жил от танкера до танкера. Главная новость была: пришвартовался танкер или не пришвартовался танкер» [14, инт. A021].

Имело значение и исчезновение важных для страны и местных сообществ памятных дат, связанных с праздничными ритуалами, которые структурировали общее социальное время и с помощью которых подтверждалась патриотическая лояльность и позитивная идентичность местных жителей. Например, жительница шахтёрского города Партизанска (Приморский край) вспоминает: «...очень хорошо отмечали праздник „День Шахтёра“, как сейчас вспоминаю массовое гуляние,

все веселились, отдыхали, концерты были, но потом всё это угасло... В нашем городе был очень красивый, с большими качелями парк, с распадом СССР их забыли и забросили, даже сейчас они стоят заброшенные, никому не нужные» [14, соч. 9]. Характерно, что она увязывает закрытие шахт, потерю собственной работы и упадок общественной и культурной жизни, т.е. синхронное затухание ритмов и труда, и отдыха в городе, а вместе с тем и утрату внятных личных и семейных перспектив.

Попытки администрации внедрить новые «демократические» праздники на фоне падения уровня жизни пенсионеров и бюджетников в 1990-е гг. зачастую принимали унижительные формы. *«День пожилых людей. Говорят, Всемирный. Но если это так, то там сие не день унижения стариков подачками — похлёбкой, ношенными копеечными вещами, талоном в баню, в парикмахерскую, в химчистку. Где ещё „пожилой“ означает нищий?»*, — записал в дневнике 1 октября 1992 г. оренбургский учёный и писатель Л.Н. Большаков [5, с. 171]. При этом власти пытались заслуги по организации праздников приписать себе, а издержки возложить на местный бизнес. Из интервью владелицы пекарни (Сахалинская область): *«День чая был — мы участвовали. День инвалидов будет — мы туда не пойдём, но пошлём продукцию»* [14, инт. А015]. Характерно, что ни один из вышеназванных постсоветских праздников не имеет привязки ни к общей, ни к локальной истории и в принципе может происходить когда угодно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в 1985—1991 гг. в российской повседневности обозначился переход от стабильного периода к транзитивному. Социальное время позднего советского периода отличалось высокой степенью реификации, т.е. замедлением динамики всех социальных процессов и увеличением числа ритуальных актов, заорганизованности публичной сферы и повседневной жизни. Социальная жизнь в целом и её важнейшие повседневные элементы (труд, жизнеобеспечение, воспитание детей, забота о старших поколениях) казались стабильными до почти полной предсказуемости на много лет вперёд. Такая темпоральность воспринималась как понятная, безопасная, но отчасти «серая» и скучная.

В период перестройки либерализация официальной идеологии и политической практики привели к десакрализации, критике и отмене многих советских ритуалов, что увеличило скорость социальных процессов и породило чувство освобождения и эйфории. Однако вместе с ревизией советского проекта было потеряно и представление о желательном направлении развития, у значительной части населения развились anomia и стресс.

Особенно значимой для повседневности была трансформация ритмов труда и отдыха, тренд на снижение степени унификации рабочего времени и условий на производстве, деинституционализация занятости (рост неполной, неофициальной, теневой занятости, безработица). Изменение советских трудовых ритмов сопровождалось трансформацией и других повседневных практик, эрозией их рутинности, которая позже драматически проявилась в кризисные 1990-е гг.

Постсоветское социальное время с самого начала стало очень вариативным, обозначились как элитарные (благоприятный баланс труда и отдыха, хорошие личные и карьерные перспективы), так и маргинальные (отсутствие стабильной работы, оплачиваемого отдыха, положительной социальной мобильности) типы темпоральности. Причём положение в этой иерархии больше зависело от региона и места проживания, чем от личного человеческого капитала и трудовых усилий.

За годы социокультурных трансформаций периферийные регионы, в том числе Дальний Восток, утратили фундаментальные основы общего социального времени, структурирующего повседневность, что негативно повлияло на качество жизни дальневосточников и перспективы развития региона. Всё это привело к тому, что перестройка, которая начиналась как время больших надежд, в исторической памяти слилась с более драматичными 1990-ми гг. и превратилась в эпоху великого разочарования.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Безенкова М.В. Сущностные особенности отображения времени в перестроенном кино // Вестник ВГИК. 2012. № 11. С. 44—54.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Дуков Е.В. Социокультурные модификации в СССР 1960—1980-х годов // Художественная культура. 2023. № 3. С. 36—61. URL: <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2023-3-36-61> (дата обращения: 12.05.2025).
4. Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Динамика продолжительности рабочего времени в постсоветский период // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 27—38.
5. Любичанковский С.В. «Унижающее время»: повседневная жизнь 1990-х гг. в дневниках Л.Н. Большакова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (42). С. 165—176. URL: http://vestospu.ru/archive/2022/articles/13_42_2022.pdf (дата обращения: 27.05.2025).
6. Минаков М. Постсоветский человек и его время. Опыт философского осмысления постсоветской эпохи. Рига: Школа гражданского просвещения, 2024. 188 с. URL: <https://biblio.school/wp-content/uploads/2024/05/Minakov-Postsov-book-web.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).
7. Пушкин А.С. Зачем ты послан был и кто тебя послал? URL: <https://www.culture.ru/poems/5882/zachem-ty-poslan-byl-i-kto-tebya-poslal> (дата обращения: 27.05.2025).
8. Тимофеева Т.Н. Посёлок: обрывки системы // Пути России. Новые языки социального описания. М.: НЛО, 2014. Т. 19. С. 199—211.
9. Толстой Л.Н. Декабристы. Собр. соч. в 22 т. Т. 3. С. 357. URL: https://www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_3/01text/0025.htm (дата обращения: 27.05.2025).
10. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с.
11. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / под ред. Н.М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004. 1054 с.
12. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
13. Ярская-Смирнова В.Н., Калайджян А.А. Социальное время в контексте исследования молодёжи российского провинциального города // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 22. № 4 (156). С. 196—202. URL: <https://elar.ufu.ru/>

bitstream/10995/43817/1/iurp-2016-156-23.pdf?ysclid=mb63o9f1975791666 (дата обращения: 12.05.2025).

14. АОСПИ. Архив отдела социально-политических исследований. Сочинения. Интервью (2012—2013).

REFERENCES

1. Bezenkova M.V. Sushchnostnye osobennosti otobrazheniya vremeni v perestrochnom kino [Essential Features of the Representation of Time in Perestroika Cinema]. *Vestnik VGIK*, 2012, no. 11, pp. 44—54. (In Russ.)
2. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. Treatise on the Sociology of Knowledge]. Transl. by E.D. Rutkevich. Moscow, Medium Publ., 1995, 323 p. (In Russ.)
3. Dukov E.V. Sotsiokul'turnye modifikatsii v SSSR 1960—1980-kh godov [Sociocultural Modifications in the USSR in the 1960s—1980s]. *Khudozhestvennaya kul'tura*, 2023, no. 3, pp. 36—61. Available at: <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2023-3-36-61> (accessed 12.05.2025). (In Russ.)
4. Kozyreva P.M., Nizamova A.E., Smirnov A.I. Dinamika prodolzhitel'nosti rabochego vremeni v postsovet'skiy period [Dynamics of Working Time Duration during the Post-Soviet Period]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2024, no. 5, pp. 27—38. (In Russ.)
5. Lyubichankovskiy S.V. «Unizhayushchee vremya»: povsednevnyaya zhizn' 1990-kh gg. v dnevnikakh L.N. Bol'shakova [“Humiliating Time”: Everyday Life in the 1990s in the Diaries of L.N. Bolshakov]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2022, no. 2 (42), pp. 165—176. Available at: http://vestospu.ru/archive/2022/articles/13_42_2022.pdf (accessed 27.05.2025). (In Russ.)
6. Minakov M. *Postsovet'skiy chelovek i ego vremya. Opyt filosofskogo osmysleniya postsovet'skoy epokhi* [The Post-Soviet Man and His Time. Experience of Philosophical Reflection on the Post-Soviet Era]. Riga, Shkola grazhdanskogo proshchcheniya Publ., 2024, 188 p. Available at: <https://biblio.school/wp-content/uploads/2024/05/Minakov-Postsov-book-web.pdf> (accessed 25.07.2025). (In Russ.)
7. Pushkin A.S. *Zachem ty poslan byl i kto tebya poslal?* [Why Were You Sent and Who Sent You?]. Available at: <https://www.culture.ru/poems/5882/zachem-ty-poslan-byi-i-kto-tebya-poslal> (accessed 27.05.2025). (In Russ.)
8. Timofeeva T.N. Poselok: obryvki sistemy [The Village: Fragments of the System]. *Puti Rossii. Novye yazyki sotsial'nogo opisaniya* [Paths of Russia. New Languages of Social Description]. Moscow, NLO Publ., 2014, vol. 19, pp. 199—211. (In Russ.)
9. Tolstoy L.N. *Dekabristy. Sobr. soch. v 22 t.* [Decembrists. Collected Works in 22 Vols.]. Vol. 3, p. 357. Available at: https://www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_3/01text/0025.htm (accessed 27.05.2025). (In Russ.)
10. Toshchenko Zh.T. *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu* [The Precariat: From a Proto-Class to a New Class]. Moscow, Nauka Publ., 2018, 350 p. (In Russ.)
11. Shyuts A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works: A World Shining with Meaning]. Ed. by N.M. Smirnova. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 1054 p. (In Russ.)
12. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It Was Forever until It Ended. The Last Soviet Generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, 664 p. (In Russ.)
13. Yarskaya-Smirnova V.N., Kalaydzhyan A.A. Sotsial'noe vremya v kontekste issledovaniya molodezhi rossiyskogo provintsial'nogo goroda [The Social Time in the Context of the Study of the Youth in a Russian Provincial City]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*, ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury, 2016, vol. 22, no. 4 (156), pp. 196—202. Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43817/1/iurp-2016-156-23.pdf?ysclid=mb63o9f1975791666> (accessed 12.05.2025). (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 24.06.2025